

Т. А. Сочива

Санкт-Петербургский государственный университет

**О литературном своеобразии
«Книги толкований и нравоучений»
протопопа Аввакума**

Аннотация. Рассматривается литературное своеобразие «Книги толкований и нравоучений» протопопа Аввакума как произведения, отразившего новое для русской литературы XVII в. личностное начало в памятнике традиционного экзегетического жанра. Среди особенностей «Книги», обнаруживающих открытие ценности человеческой личности в русской литературе, выделяются связь толкований Аввакума с событиями церковного раскола, воспроизведение на письме принципов устной речи, ведение толкований в форме непосредственной беседы с читателями, насыщенность повествования эмоциями и автобиографическими подробностями, а также стремление автора объяснить свой писательский труд. По силе проявления личностного начала и художественной выразительности отдельных фрагментов «Книга толкований и нравоучений» может быть сопоставлена с автобиографическим «Житием» Аввакума.

The article is devoted to the literary originality of «The Book of Interpretations and Morals» by protopope Avvakum as a work that reflects the new principle of individuality of the traditional exegetical genre for the Russian literature of XVII century. Among the features of the Book, indicating the discovery of the value of the human personality in the Russian literature, are creating of a connection between Avvakum's interpretations with the events of splitting in the Russian Orthodox Church (to improve the effectiveness of persuasion in readers), the use of a spoken language, the use of interpretations in a form of the direct conversation with readers, richness of the narration with the emotions and the autobiographical details, and the author's willing to explain his work. By the power of expression of individuality and artistic expressiveness of some fragments, «The Book of Interpretations and Morals» can be compared with the autobiographical «Zhitye» by Avvakum.

Ключевые слова: личностное начало канон, жанр, устная речь, автобиографизм, коммуникация.

Principle of individuality, canon, genre, spoken language, autobiographism, communication.

УДК 821.161.1

Контактная информация: ул. Халтурина, 15/2, Санкт-Петербург, Петродворец, 198504; sochiva@bk.ru; +7 953 344 11 82

«Книга толкований и нравоучений» – сложное полемическое произведение протопопа Аввакума, состоящее из его толкований на библейские тексты, нравственных наставлений и собственных размышлений. Хорошо известны слова А. Н. Толстого о «Житии» и посланиях Аввакума: «...в омертвелую словесность, как буря, ворвался живой, мужицкий, полнокровный голос... Речь Аввакума – вся на жесте, канон разрушен вдребезги, вы физически ощущаете присутствие рассказчика, его жесты, его голос» [Толстой, 1961, с. 263–264]. Эти слова могут быть отнесены и к «Книге толкований и нравоучений» – одному из самых интересных и своеобразных произведений протопопа Аввакума, признанного лидера старообрядческого движения XVII в., написавшего эту «Книгу» в 1673–1677 гг. [Гудзий, 1934, с. 438; Смирнов, 1927, с. XXXV] в условиях тяжелейшего заключения в тюрьме Пустозерского острога.

Название произведению – «Книга толкований и нравоучений» – было дано П. С. Смирновым, издавшим «Книгу» в корпусе других сочинений Аввакума [Памятники..., 1927, стб. 419–576]. Сам Аввакум называл своё произведение «книгой», рассматривая её как единое цельное произведение, несмотря на её сложный состав. «Книга» была адресована Симеону, духовному сыну Аввакума, но создавалась она, как и многие другие сочинения Аввакума, для широкого круга читателей, преимущественно мирян из среднего сословия. Аввакум остро ощущал свой долг священника, наставника и духовного отца перед русскими православными людьми, пребывавшими в растерянности от церковной реформы патриарха Никона, ломающей устои многовекового церковного уклада, поэтому основное назначение своей «Книги» Аввакум обозначил уже в первой строчке текста, выступающей в функции заглавия: «Совет мужа грешна к хотящим спастися» [с. 74]¹, имея в виду спасение христианских душ в «нынешнее» время – в трагическое время глубокого церковного раскола и жестокого преследования старообрядцев.

«Книга» состоит из двух частей. Первая часть – толкования Аввакума на псалмы, продолженные обращением к царю Алексею Михайловичу с настоятельным советом покаяться, и на паремии – фрагменты из Книги Притчей Соломоновых и Книги Премудрости Соломона, на Книги пророка Исаии. Вторая часть называется «Нравоучение», цель обозначена здесь же: объяснить «чадам», «что есть тайна христианская и как жити в вере Христове». Эта часть содержит систему запретов и правил обиходной жизни, свойственных средневековой культуре и построенных на фундаменте истолкования евангельского учения апостолом Павлом. Продолжено «Нравоучение» размышлениями Аввакума о современных событиях в Московском государстве – о казнях старообрядцев и самосожжениях, а также о неизбежном возмездии, ожидающем царя-мучителя и всех преследователей сторонников исконно русской старой веры.

Основательное источниковедческое изучение «Книги толкований и нравоучений» было сделано А. К. Бороздиным [1900, с. 213–248] и П. С. Смирновым [1927, с. XXXII–XXXVI]. Существенный вклад в изучение «Книги толкований» внес В. И. Малышев, нашедший в крестьянских селениях на Печоре самый ранний её список 70–80-х гг. XVII в.² и проанализировавший соотношение его с другими списками «Книги» [1969].

---

¹ Здесь и далее цитаты из «Книги толкований и нравоучений» даются по изданию: [Демкова, Сесейкина, 1990].

² Опубликован Н. С. Демковой и И. В. Сесейкиной [1990]. Известен также Богдановский список, опубликованный П. С. Смирновым [Памятники..., 1927, стб. 419–576] и неполный список «Книги» – Боровский, опубликованный Н. И. Субботиным [Материалы..., 1887]. Как установил В. И. Малышев, все три списка восходят к трем авторским протографам [1969, с. 271].

Однако специального анализа «Книги толкований» как целостного экзегетического, полемического и отчасти автобиографического сочинения Аввакума не существует. Есть несколько упоминаний во вступительных статьях к изданиям сочинений Аввакума, две статьи Н. С. Демковой, посвященные конкретным проблемам изучения «Книги» (отмечено концептуальное значение образа пророка в «Книге» для полемического наследия Аввакума и раннего старообрядчества [Демкова, 1993], проанализировано использование в толкованиях Аввакума текста «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского [Демкова (Сарафанова), 1963]), а также содержательное и интересное исследование М. Б. Плюхановой, рассмотревшей «Книгу толкований» в связи с национальными средствами самоопределения личности [1996; 1989, с. 333–334].

Цель статьи – охарактеризовать в целом литературное своеобразие «Книги толкований и нравоучений» протопопа Аввакума как произведения, отразившего такое новое явление в русской литературе XVII в., как личностное начало, возникшее в памятнике традиционного содержания и жанра.

Создание целой книги, состоящей из толкований на тексты Священного Писания, на Руси было явлением уникальным. Как отмечала М. Б. Плюханова, «никто из русских книжников в пределах Руси не позволял себе создавать толкования на сколько-нибудь обширные фрагменты Священного Писания», поскольку «толкования на священные книги считались на Руси уже осуществленным делом великих отцов Церкви» [1996, с. 402] (см. также: [Сарафанова (Демкова), 1960, с. 263]).

Аввакум в начале своих толкований, следуя традиции, также разъяснял буквальный и нравоучительный смысл текстов Священного Писания, указывал на ветхозаветные пророчества о жизни Христа. Однако далее стала проявляться необычность толкований Аввакума. Она заключается в почти полном отходе от символических и мистических образов и абстрактных толкований Толковой псалтыри Афанасия Александрийского и в насыщении текста полемическими материалами, обличениями никониан и фактами современности, постоянно сопоставляемых с текстами Ветхого и Нового Заветов.

Необычность, даже уникальность толкований Аввакума получила интересное объяснение в концепции М. Б. Плюхановой [1996, с. 381–419], которая объяснила возникновение подобных сопоставлений распространением среди раннего старообрядчества эсхатологических воззрений, ожидания скорого конца света.

С точки зрения М. Б. Плюхановой, современная Аввакуму история Московской Руси XVII в., переживающей апокалипсические времена – трагедию конца света и прихода антихриста, является таким же сакральным периодом, как и время Нового Завета, с которым она сопоставляется. И фигура Аввакума в его собственном понимании приближается тем самым к героям священной христианской истории («Новый толкователь вплотную приблизился к Священному Писанию и соединил свой голос с голосами пророков и апостолов» [Плюханова, 1996, с. 404]). Вопрос о связи толкований Аввакума с его эсхатологическими воззрениями очень интересен, но требует специального анализа, здесь мы не будем его касаться. С нашей точки зрения, проведение аналогий между библейскими и современными событиями³ – это риторический прием, направленный на убеждение читателя текстами Священного Писания, прием, широко используемый древнерусскими книжниками с древнейших времен. К тому же, сопоставления Аввакумом современной и «священной истории» конкретны и связаны с актуальными

---

³ Подобных толкований, в которых Аввакум связывает ветхозаветный текст с Новым Заветом, а затем с событиями ему современными, оказывается в «Книге» довольно много. См. толкования в «Книге» на Пс. 40: 7–8; Пс. 40: 12; Пс. 41: 10; Пр. 9; Прем. 4: 8; Ис. 35: 7; Ис. 55: 12–13; Ис. 12: 6.

для читателей проблемами – с казнями старообрядцев и изменениями богослужебной традиции.

Объединение в одном фрагменте текста толкований Священного Писания и описаний, оценок событий современности с обличениями никониан является не единственным нарушением канона толкований. Другая яркая особенность «Книги толкований и нравоучений», идущая в разрез с традицией святоотеческих толкований, это насыщенность текста толкований Аввакума и комментариев автобиографическими подробностями. Это могут быть краткие упоминания имен людей XVII в., так или иначе связанных с жизнью протопопа Аввакума (упоминания ярославского протопопа Ермила, царского духовника Стефана Вонифатьева, книжного справщика Шестака и др.), конкретных обстоятельств того или иного события (при упоминании о распятии Христа в параллель приводится жестокость русского стрельца, выступающего в роли палача, выслуживающего «пять рублей»), реплики исторических лиц (например, боярыни Ртищевой) и т. п. В «Книгу толкований» включены даже целые «повести», восходящие к устным сюжетным рассказам. Так, в «Книге толкований» помещены сибирские воспоминания Аввакума – две законченные «новеллы» о его службе священником в Тобольске в 1654–1655 гг. и борьба с блудом и пьянством (Аввакум с юмором вспоминает, как он «приводил в чувство» лживую, упрямую блудницу, согрешившую прямо в церкви, и пьяного чернеца, захотевшего немедленно, «скоро-скоро» попасть в небесное царство). Эти повести пользовались особой популярностью у читателей и выписывались в старообрядческих рукописях отдельно от «Книги».

В известной книге «Человек в литературе Древней Руси» Д. С. Лихачев писал об открытии ценности человеческой личности в демократической литературе XVII в. и отметил, что «в тесной связи с общими тенденциями оправдания человеческой личности, столь свойственными демократической литературе, находится всё творчество Аввакума. Различие только в том, что в творчестве Аввакума это оправдание личности ощущается с большей силой и проведено с несравненной тонкостью» [1987а, с. 145]. Личностное начало в разных формах его проявления (авторская точка зрения, оценка и голос автора-полемиста, мастерство писателя, воссоздающего под своим углом зрения события современной жизни и характеры людей, автобиографические детали в тексте и т. п.) является яркой чертой литературного своеобразия «Книги толкований и нравоучений» протопопа Аввакума.

Дополняя отобранные для толкования тексты Священного Писания своим собственным повествованием, Аввакум ведет его в форме непосредственного разговора со своими воображаемыми собеседниками: Симеоном, царем Алексеем Михайловичем, боярыней Морозовой, единомышленниками, никонианами, грешниками, прелюбодеями и пьяницами, Адамом и др.

Хотя «Книга» создавалась с опорой на традиционные книжные жанры, в ней наряду с риторическими жанрами большую роль играют также элементы жанров разговорной речи, которые Аввакум делает фактом литературы. Так, в «Книгу толкований» вошли толки о недостойном поведении патриарха Никона – «волхва» и прелюбодея, якобы рожденного от «татарки» [с. 90, 92], слухи о возмездии, постигшем вселенских патриархов – Макария Антиохийского и Паисия Александрийского, осудивших на соборе 1666–1667 гг. старообрядцев (слухи о распятии турецким султаном Паисия и спрятавшегося в Грузии Макария [с. 143, 146]).

Нарушая литературные каноны, Аввакум «пишет, как говорит» [Лихачев, 1987б, с. 309]. Воспроизведение Аввакумом на письме принципов, приемов, оборотов устной речи приводит к значительным отличиям его «Книги» от традиций толкований, распространенных в древнерусской книжности. Эти отличия заключаются в ярких стилистических особенностях «Книги толкований», характерных для творчества Аввакума в целом: свободное обращение с цитируемыми источниками, повышенная эмоциональность тона, построение текста на основе разгово-

ного синтаксиса. Кроме того, толкования Аввакума используют такой ресурс выразительности, как создание в тексте «живых сцен» [Гусев, 1960, с. 27], «спектаклей» [Лихачев, 1976, с. 83], т. е. происходит драматизация повествования (зрелищность, создание иллюзии устной речи персонажей, внимание к их жестам), присущая устной народной прозе [Демкова, 1988].

«Взаимопроникновение... книжно-славянской и народно-русской речевых стихий» [Виноградов, 1958, с. 371] характерно не только для «Книги толкований и нравоучений», но и для других произведений Аввакума. Однако в «Книге толкований» Аввакум постоянно обращается к текстам Священного Писания, а потому соединение сакрального и бытового языкового потока книжной речи и живой беседы достигает в тексте «Книги» повышенной концентрации.

Иногда ссылки на сочинения отцов Церкви или упоминания их имен выполняют и другую функцию в тексте: они должны свидетельствовать перед читателями толкований о книжной образованности их автора, но и в этом случае мы вновь сталкиваемся с личностным началом – ведущим принципом аввакумовского текста.

Потребность выразить свои мысли и чувства при чтении Священного Писания у Аввакума так сильна, что в текст его «Книги толкований» вводятся его реплики, его оценка события или поступка, происходящего перед его мысленным взором, но как будто в непосредственной реальной близости от него. Аввакум обсуждает с читателями вопль богатого из ада к праотцу Аврааму с просьбой о милости – даровании капли воды: «Видите ли, како смири его мука?».

«Брань, восклицания, мольбы пересыпают его речь» [Лихачев, 1987б, с. 309]: он восхищается подвигом «самовольных мучеников» («Вечная им память во веки веком! Добро дело содеяли» [с. 142]) и издевается над патриархами и митрополитами («Таковыя нароком наставлены, яко земьския ярышки, – что им велят, то и творят. Только у них и вытвержено: «А-се, государь! Во-се, государь! Добро, государь!»» [с. 94]), ободряет гонимых единомышленников («потерпите, сидя в темницах тех, Господа ради Бога Израилева, не поскучите, су, пожалуйста!» [с. 145]) и с яростью ругает мучителей («Воли мне нет, да силы, – перерезал бы, что Илия-пророк студных и мерских жерцов всех, что собак» [с. 89]), скорбит о нераскаявшихся грешниках («Бедной, бедной! Пропал душею и телом» [с. 81]) и боится, как бы не загубить свою душу («Боюся, братие, онаго огня и зело трепещет ми душа, яко горек и неугасаем есть» [с. 139]).

Разнообразны интонации обращений Аввакума к царю Алексею Михайловичу: он может ворчливо укорять его в несправедливых гонениях на старообрядцев («Грабишь нас напрасно и обнажаешь от Христа» [с. 98]) и, как пророк, призывать царя покаяться за поддержку церковной реформы, напоминая о покаянии царя Давида («О, царю Алексее! Покажу ти путь к покаянию и исправлению твоему!» [с. 96]). Как заботливый духовный отец Аввакум обращается с сочувствием и трогательными утешениями к сидящей в земляной тюрьме Боровского острога боярыне Морозовой («Кокуй, бедная, не бось ничево, венцы мнози над тобою!» [с. 95]). Необходимо отметить, что в отличие от обращений к Симеону, который был реальным адресатом «Книги», обращения к царю Алексею Михайловичу и к боярыне Морозовой являются обращениями к воображаемым собеседникам. Фигуры собеседников, создаваемые обращениями Аввакума в «Книге толкований», позволяют ему не только выражать свои чувства, но создавать оттенки в изображении автора, выступающего в тексте в разных ролях: пророка, богослова, духовного отца и т. д.

Личностное начало в «Книге толкований и нравоучений» проявляется и в «оправдании» использования русской речевой стихии в текстах его сочинений, в том числе и в его толкованиях на тексты Священного Писания. В обращении к царю Алексею Михайловичу, завершающему толкования на псалмы, вошла

похвала Аввакума русскому «природному» языку: «Ты веть, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так подобает говорить» [с. 97]. Как отмечала Демкова Н. С., «рассуждения Аввакума о русском языке – это, по существу, обоснование его принципов стиля» [Демкова, 1974, с. 101]. Аналогичная похвала Аввакума русскому языку [Житие, 2010, с. 290] находится в сборнике Заволоко как отдельный текст, помещенный в рукописи автобиографического «Жития» в последней авторской редакции (В), созданной в 1674–1675 г., т. е. он писался, возможно, в то же время, когда Аввакум работал и над «Книгой толкований и нравоучений». Это совпадение текстов в «Книги» и в последней редакции «Жития» Аввакума отражает особый этап в эволюции творческого сознания писателя, считающего необходимым объяснить свое предназначение и даже конкретно описать свой писательский труд.

В известном фрагменте «Книги толкований» Аввакум сравнивает себя с нищим, собирающим подаяние – «хлеб» (иносказательно это тексты Священного Писания, к ним Аввакум приравнивал и сочинения Иоанна Златоуста), который он раздает людям, умирающим от духовного голода. Это метафорическое описание использует традиционный символ христианской литературы, но строится оно не в абстрактно-богословском, отвлеченном плане, а как драматическая сцена, вовлекая читателя в образный мир обывденной жизни городского посада: «Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам и по окошкам милостыню просящу... У богатога человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатога гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу; у Златоуста, у торгового человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадских людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрал кошель, да и вам даю, жителям в дому Бога моего. Ну, ешьте на здоровье, питайтесь, не мрите с голоду» [с. 133].

Таким образом, Аввакум, используя тексты, жанры, образы средневековой литературы, создает на их основе новые литературные формы. «Книга толкований и нравоучений» оказывается особым произведением не только по сравнению с традиционными толкованиями, распространенными в древнерусской книжности, но по сравнению и с другими полемическими «Книгами» Аввакума. По силе проявления личностного начала и художественной выразительности отдельных фрагментов «Книга толкований и нравоучений» может быть сопоставлена с автобиографическим «Житием» Аввакума.

Список литературы

- Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. 2-е изд., доп. и испр. СПб., 1900.
- Виноградов В. В.* К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словопотребления // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14.
- Гудзий Н. К.* Комментарий // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1934.
- Гусев В. Е.* Протопоп Аввакум Петров выдающийся русский писатель XVII века // «Житие» протопопа Аввакума. М., 1960. С. 5–51.
- Демкова (Сарафанова) Н. С.* Неизданное сочинение протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 257–269.
- Демкова (Сарафанова) Н. С.* Иоанн Экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1963. Т. 19. С. 367–372;
- Демкова Н. С.* Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума. ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 302–316.

- Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума (творческая история произведения). Л., 1974.
- Демкова Н. С. Из комментария к «Книге толкований» Аввакума (Тема пророка в ранней старообрядческой публицистике) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 308–311.
- Демкова Н. С., Сесеикина И. В. Старейший (Печорский) список «Книги толкований и нравоучений» Аввакума, найденный В. И. Малышевым // Древлехранилище Пушкинского Дома. Материалы и исследования. Л., 1990.
- Житие протопопа Аввакума им самим написанное, и другие его сочинения. СПб., 2010.
- Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987а. Т. 3.
- Лихачев Д. С. Великое наследие // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987б. Т. 2.
- Лихачев Д. С. Юмор протопопа Аввакума // Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 75–90.
- Малышев В. И. Старейший список «Книги толкований и нравоучений» протопопа Аввакума // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: Сб. ст. к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969. С. 266–273.
- Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые под редакцией Н. Субботина. М., 1887. Т. VIII. С. 1–66.
- Памятники истории старообрядчества. Л., 1927 (РИБ, т. 39). Кн. 1, вып. 1.
- Плюханова М. Б. Из Книги толкований // Пустозерская проза. М., 1989. С. 333–338.
- Плюханова М. Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 3. С. 380–459.
- Смирнов П. С. Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума // Памятники истории старообрядчества. Л., 1927 (РИБ, т. 39). Кн. 1, вып. 1. С. XVIII–XCVII.
- Толстой А. Н. Из истории языка // Толстой А. Н. Собр. соч. М., 1961. Т. 10.